745
Ф91

Екатерина
Фролова

Чистый источник

Оренбургский платок

Неблизок путь от Оренбурга до районного центра Саракташ, старинного «гнездовья» пуховязальщиц, и оттуда до села Желтого, где живут и работают известные мастера этого промысла. Зимняя степь, как пуховый платок, стелется за окном автобуса, наводя на размышления об истоках оренбургского промысла и его истории.

Одним из первых ученых, рассказавших об Оренбургском крае и его богатствах, был Петр Иванович Рычков. В 1762 году в журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» появилась его статья «Топография Оренбургской губернии». Рычков также одним из первых серьезно заинтересовался козами, которые «около Яика; а особливо на Заяицкой степи табунами случаются и так резвы, что никакой собаке угнать невозможно». Ученый побывал у чабанов, увидел образцы изделий из пуха и предложил наладить в крае пуховязальный промысел.

Уральских казаков, обосновавшихся в свое время на Яике, также не могла не привлечь одежда местного населения — калмыков и казахов. В лютую стужу, когда даже русская шуба плохо держала тепло, скотоводы гарцевали на своих низкорослых лошадках в легкой с виду одежде из козьих шкур и войлока. «Как же они терпят такой холод?» — дивились казаки. Дивились до той поры, пока не узнали, что под легкими душегрейками у скотоводов надеты теплые поддевки и шарфы, связанные из шелковистого пуха, начесанного с коз. Стали казаки выменивать пух и изделия из него на чай и табак. У калмыков и казахов вязка изделий из пуха была «глухой». Уральские же казачки, знавшие кружева и вышивание, стали использовать в вязке растительный орнамент — живые мотивы природы. Под тихий треск лучин длинными зимними вечерами вязали они нежные шали и тонкие, как паутинки, белоснежные ажурные платки.

Возможно, таким же ясным декабрьским днем, как сегодня, в 1861 году катилась к Оренбургу санная повозка. Лишь звон колокольчика да редкое всхрапыва-

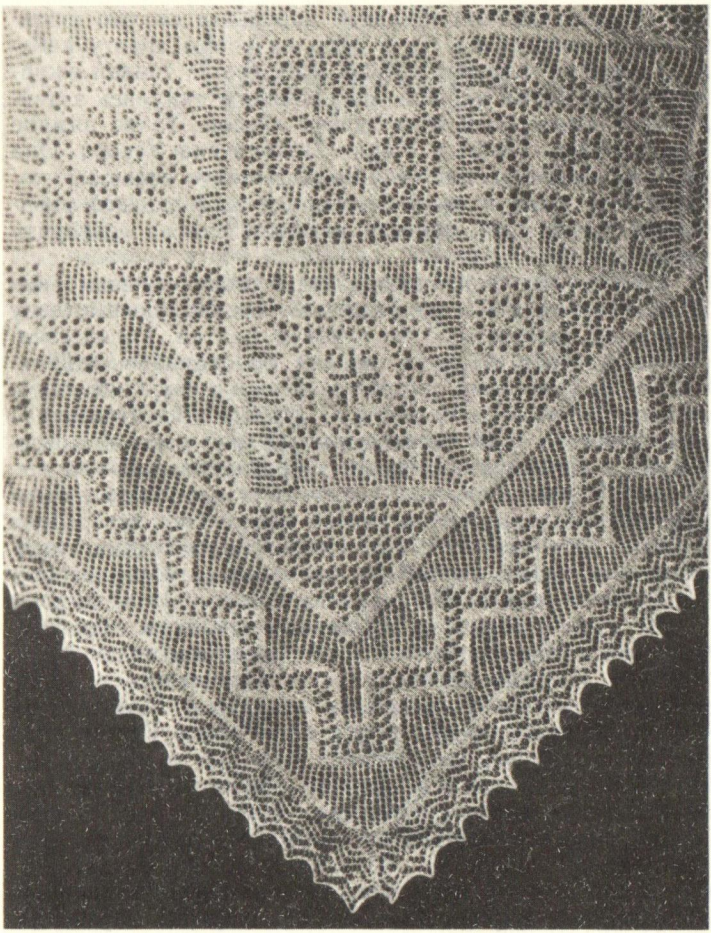
ние закуржавленных лошадей нарушали глухую тишину неоглядной степи. То и дело на узкую дорогу набегали семейки молодых дубков и березок с тонкой ажурной вязью нагих вершин, по обочинам тянулись затейливые стежки заячьих и лисьих следов. Такие зимние поездки очень любила Мария Николаевна Ускова. Она не спеша рассматривала зимние узоры и сюжеты, чтобы потом душа и руки ее созрели для дивного творчества, чтобы она, простая казачка, смогла сотворить чудо!..

В Оренбурге Ускова подала губернатору письменное прошение принять и отправить на всемирную выставку в Англию привезенные ею пуховые платки. Когда узнала, что просьба ее удовлетворена, обрадовалась и напугалась: ее рукоделье пошлют в далекий, как край света, Лондон! Шесть ее платков с кратким описанием, что «изделия сего рода производятся ручной работой повсеместно в Оренбургском крае», украсили всемирную выставку. Перед закрытием экспозиции все платки были раскуплены, а спустя несколько месяцев на хутор близ станицы Оренбургской, где жила Мария Ускова, представитель казачьего войска доставил и под расписку передал ей медаль «За шали из козьего пуха», диплом и 125 рублей серебром. В архиве оренбургского генерал-губернатора хранится эта расписка и прошение Усковой. На пожелтевшем листке размашисто и витиевато написано: «За неимением грамоты у Марии Усковой по личной просьбе ее урядник Федор Гурьев руку приложил».

После закрытия в Лондоне всемирной выставки английская фирма «Липнер» организовала крупное предприятие по выработке изделий «Имитация под Оренбург».

...Село Желтое встретило меня морозом и солнцем. Голубоватые сугробы на обочинах широких параллельных улиц, аккуратно подкрашенные хатки с синими ставнями, бурые отроги Уральских гор вдали... Старое крепкое село, построено с размахом. Еще в 1825 году здесь был создан форпост казачества.

На одной из улиц — Почтовой — свежевыбеленная хатка Шамсури Абдрафиковны Абдуллиной — одной из лучших местных вязальщиц. Хозяйка дома — полноватая, круглолицая, в домашнем фланелевом халате, усаживает меня за чашку чая, поинтересовавшись сначала, буду ли я пить с молоком или «по-городскому».

После чая Шамсури приглашает меня в горницу, садится за стол и, достав узелок с пухом, говорит:

— Первым делом из пуха надо выбрать волосы и другие заметные глазу примеси. — Развязав узелок, она отделяет небольшой клочок и предлагает мне проделать эту операцию. Я тщательно рассматриваю на свет крохотный комочек пуха. Долго и упорно пытаюсь очистить его от мелких семян трав. Медленная и уто-

мительная работа, которая и сто и двести лет назад выполнялась точно так же.

— Теперь надо сделать первый прочес на двухрядной гребенке. Сейчас я вам ее покажу. Нашей гребенке лет уж сто будет. И мама на ней чесала, и бабушка.

Деревянный угольник с острым стальным гребнем Шамсури приспосабливает на колене и, положив немного пуха на гребень, протаскивает сквозь зубья тончайшие нити.

— При первом прочесе отделяются короткие волокна. Потом пух промываем в мыльной воде и сушим на воздухе. Сухой, чистый пух прочесываем еще два-три раза, пока не появится блеск. Теперь можно начинать прядение. — Мастерица берет веретено в правую руку, а в левую — горсть уже готового пуха. Быстрым движением пальцев вращает веретено, и вот уже на нем растет холмик нежнейшей, тоньше волоса, пуховой нити.

— Пух спряден, но вязать еще нельзя, — поясняет мастерица. — Пуховую нить сматывают с тонкой нитью натурального шелка, одновременно скручивая для прочности. Вот теперь пряжа готова. — Шамсури разворачивает сверток с вязанием. На колени падает почти законченная ажурная белая «паутинка».

— Начинаю вязание с тесьмы из сорока пяти зубчиков, потом по длине тесьмы набираю четыреста петель, тут важно не ошибиться, иначе не выйдет рисунок. Да вот, посмотрите сами.

Шамсури надевает очки, привычно прикалывает вязанье булавкой к своему платью — для ровности петли, поясняет она. Тонкие, короткие и острые, как иглы, спицы только мелькают в гибких пальцах. Вяжет ли она простую платочную петлю или делает накид — уловить невозможно.

— А откуда вы узоры берете? — интересуюсь я.

— Узоров много всяких — соты, глухотинка, кошачьи лапки... Каждая вязальщица знает их, издавна из рук в руки они передаются. Вот посмотрите: эти мелкие дырочки называются пшенки, а эти покрупнее — корольки, а цепочные дырочки — мышиные тропки, а вот тут — косорядки. Круг у меня состоит из угольничков, пшенки, рыбок и косорядок, а кайма — из снежинок и глухотинок. — Шамсури расправляет вязание и показывает четыре одинаковых прямоугольника и в центре непохожий на них ромб.

— Это пятикруговой платок. Во время работы я мысленно делю платок на четыре одинаковые части. Расчет делаю в самом начале работы, а потом пальцы сами чуют, какие петли вязать и сколько их надо сделать в каждом ряду. Я ведь с семи лет вяжу. Сначала маме помогала, потом и сама стала «паутинки» вязать. Всех племянниц обучила, а у меня их семь. И как расчет новых рисунков делать, и как каждую петлю провязывать, и чтобы спицы близко к глазам не держали и нить не перекручивали при прядении. Такое наше ре-

месло. Очень домашнее оно. От потомства к потомству все лучшее передается. От матери — к дочери, от бабушки — к внучке. У нас в Желтом — двести вязальщиц, и все они своим искусством делятся.

Исстари считается, что подлинное мастерство приходит только к человеку доброму. Засела в душе корысть — не откроется тебе истинная красота, не вязать тебе хорошего платка. Сколько притч, преданий об этом в Приуральских степях!

От быстрых и ловких движений рук мастерицы невозможно отвести глаз. На указательном пальце ее левой руки маленькая, как хрящик, мозоль. По этому месту много лет струится пуховая нить.

Не зря, наверное, говорят: для вязальщицы пух и узоры, что для художника кисти и палитра — «материал один, а талант разный». А мастерство здесь в почете. Недаром каждая пуховница в Оренбуржье мечтает связать платок знаменитой в прошлом мастерицы Настасьи Яковлевны Шепковой: пять аршин в длину и пять в ширину, да чтобы не только в золотое кольцо прошел, но и уместился в скорлупу гусиного яйца.

Провязав последние зубчики, Шамсури затягивает петлю. Теперь платок надо выстирать, отбелить, обшить по зубчикам хлопчатобумажной тесьмой и аккуратно натянуть на деревянную раму.

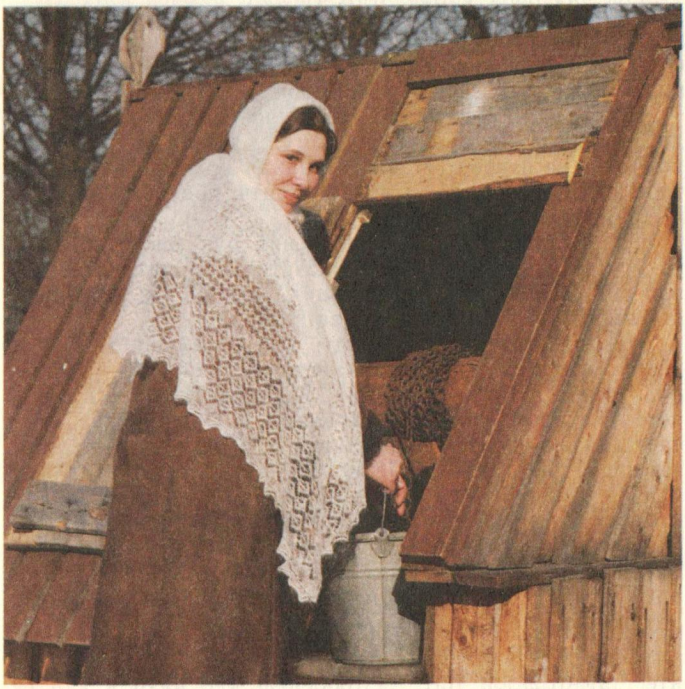
— Сколько же часов вы вязали эту «паутинку»?

— Трудно сказать. Когда быстрее вяжется, когда медленнее. Работницы оренбургского комбината должны по плану сдать в месяц одну «паутинку» — полтора метра на полтора, и один палантин. Но у меня, бывает, и по два палантина выходит.

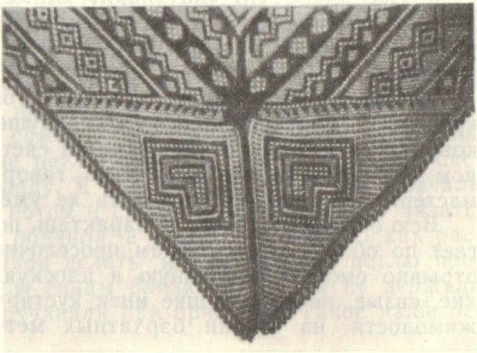
Я уже знаю, что «паутинки» Шамсури Абдуллиной побывали на всемирных выставках в Канаде и Японии, что она участник многих всероссийских и всесоюзных выставок.

Последний раз оглядываю чистую горницу с высокой кроватью, множеством пышных подушек, красно-синих ковриков и пестрых половичков на светлом, выскобленном до желтизны полу... Правда, говорят, что хорошая мастерица плохо ничего делать не умеет.

Всю обратную дорогу в Саракташ, пока «газик» прыгает по обледенелым буграм проселочной дороги, я неотрывно смотрю на ровную и плоскую степь, на редкие, сизые, не сбросившие инея кустарники карагача и жимолости, на стайки бархатных метелок незасыпан-

В оренбургском платке всегда тепло и уютно.

ного снегом камыша. На обочине — следы заячьих набегов: две ямки покрупнее вместе и две поменьше врозь, а вот и лисичка пробежала, как машинкой прострочила. Видно, эти-то снежные равнины, крутые морозы да раздольные степные песни помогли оренбургским мастерицам-вязальщицам найти орнамент своего рукоделия, язык и ритм его.

Но славой своей оренбургский пуховый платок во многом обязан и многотрудному искусству козоводов.

На Оренбуржье пять козоводческих совхозов. Мой путь лежит в «Южный» в Соль-Илецком районе.

Оренбургская пуховая коза... На земле много пород коз, живущих почти во всех широтах. Белая безрогая швейцарская; маленькая аспидно-черная африканская; крупная грациозная, с белой шерстью ангорская; горбоносая грубошерстная нильская, приносящая за один окот до пяти козлят и дающая до восьми литров молока в день; безрогая, с белой длинной шерстью альпийская; молочная немецкая... Но у всех этих коз нет такого пуха, как у козы оренбургской.

Французский доктор Бернье, путешествовавший в 1664 году по Тибету, увидел там прекрасные ткани и головные уборы, те самые, что иногда попадали на Запад и восхищали торговцев и покупателей. Бернье заинтересовался, откуда берется сырье для этих теплых и изящных изделий, и узнал, что это пух кашмирских коз. Доктор загорелся желанием развести таких коз во Франции. Но прошло немало лет, прежде чем французы начали осуществлять его идею.

В 1818 году за кашмирскими козами отправился профессор-востоковед Жубер. По пути в Тибет он остановился в Одессе и узнал у местных предпринимателей, что между Астраханью и Оренбургом чабаны пасут пуховых коз — потомков кашмирских. Профессор Жубер исследовал пух оренбургской козы и нашел его намного лучше, чем у чистопородной тибетской. Он закупил 1300 коз. Эта огромная отара была пригнана на побережье Черного моря и на корабле отправлена в Марсель. Долгое плавание в тесных и душных трюмах выдержали только четыреста коз и всего несколько козлов. Оставшихся животных холили и берегли, как заповедных зверей, но козы, увы, стали безнадежно терять свои выдающиеся «пуховые» качества и в течение нескольких лет превратились в грубошерстных. Не прижились они и на прекрасных лугах Англии и Латинской Америки, куда также были завезены из России. Стало ясно: для созревания пуха нужны особые климатические условия, такие, как в оренбургских степях.

Отдав нужные распоряжения, главный зоотехник совхоза предложил посмотреть кошары, где зимуют козы.

— Коза — ласковое и очень привязчивое животное, — рассказывал по пути Михаил Павлович Кутырев. — Раньше бытовало меткое выражение «коза —

корова бедняка». В самом деле, удобное и доходное животное. Коза устойчива против эпидемий, неприхедлива к еде. Перед нами ставят две главные задачи: первая — дайте больше отличного пуха: вторая — серьезнее ведите племенную работу, растите и умножайте отары оренбургских коз. Поголовье за последние годы у нас в совхозе увеличилось вдвое. А повышение закупочных цен на пух укрепило экономику совхоза. Хозяйство у нас рентабельно давно. От основной отрасли мы получаем до трехсот тысяч рублей ежегодной прибыли.

С сельской улицы мы свернули на прямую и широкую магистраль. По обе стороны — длинные кошары под шиферной крышей, аккуратно побеленные известкой. Двор каждой кошары отгорожен забором от дороги и соседних кошар.

— Это и есть наш козоводческий зимний городок. Здесь козы живут три-четыре месяца, самые холодные.

Входим в один из дворов, заполненный коричневатыми с серыми подпалинами козами. Пахнуло свежим сеном и степным ветром. Двор застелен пшеничной соломой, и на золотистом фоне коричневые козы кажутся акварельными.

Навстречу нам идет румяный человек. Знакомимся. Это хозяин «резиденции» чабан Иван Григорьевич Якубенко. Прошу его рассказать о работе.

— Коза, конечно, бóльшую часть года пасется в степи, но это вовсе не значит, что ее можно и не кормить, — начинает свой рассказ Иван Григорьевич. — У нас чабаны так говорят: с худой козы и пух худой. Корма — забота номер один. В совхозе не жалеют на это средств. Мы с женой сейчас кормим коз сеном, зерном, концентратами. Едят они и ветки ивы, липы, вербы. Пух на козе растет и зреет сам, конечно, но и догляд чабана необходим постоянно. Оставь козу без соли — пух уже не тот, переела белковых — пух совсем захирел, клещи к козе пристали — пропал пух, опоздали козу чесать — пух перезрел.

— Вот посмотрите, — Иван Григорьевич ловит за рог ближайшую козу, которая пристально наблюдает за новым человеком в отаре, — пух закладывается в сентябре — ноябре. Видите, как он уже подрос?

Я дотрагиваюсь до дымчато-шоколадной, мягкой и теплой «одежды» козы и тут же отдергиваю руку — животное резко вздрогнуло. Чабан отпустил козу, и та сразу же смешалась с отарой. Через минуту я уже не

могу отличить ее от остальных. У всех маленькие загнутые рога, крошечная бородка и челка. Спина прямая, немного приподнятая сзади, ноги крепкие, невысокие.

Следующий наш визит к чабану Жумабаю Каражанову. Худенький, подвижный, с темным от неистребимого загара лицом, он все пытается поудобнее устроить нас на скамейке.

— Дождь нужен, ветер нужен, мороз крепкий нужен, чтобы пух на козе хороший был, — говорит он хрипловатым от простуды голосом, — и еще честность в работе нужна, очень большая честность. Почему Каражанов сдал 145 килограммов пуха сверх плана? Я валушка два, а то и три раза верну чесальщику — тут, покажу, не дочесал и тут оставил — и заставлю вычесать все до грамма.

Пух чесать — дело трудное. Пытались здесь заменить ручной гребень машиной — пока не вышло. И ныне чешут вручную. Норма — десять-двенадцать коз за смену. В совхозе тысячи коз, обработать их надо быстро, в течение двух недель, не то пух перезреет. Чешут коз дважды — в феврале и марте. Пух первой чески самый ценный. Пух оренбургской козы эластичен, легок, нежен, пушист, у него низкая теплопроводность. По тонине (тонкости) и шелковистости он не уступает пуху ангорскому.

Должно быть, в защиту от лютого зимнего холода и от немилосердной летней жары растет на козах подшерсток — пух — то самое сказочное руно, из которого вяжут знаменитый оренбургский платок.

— Поглажу козу по спине, если пух в руке останется — неотложно чесать надо, — продолжает Жумабай Каражанович. — Да и сама она знак подает, трется, чешется о камни или кустарник. В теплую зиму линька наступает раньше, чем в холодную. Пух быстрее созревает у коз с хорошей упитанностью, у взрослых животных раньше, чем у молодняка, у козлов позже, чем у маток. Нельзя коз долго держать в теплых кошарах — пух прекращает расти...

Текут пуховые реки из козоводческих совхозов в Оренбург, на комбинат и фабрику пуховых платков. Там молодые работницы на станках с программным управлением ткут добротные серые платки и белые «паутинки», а в деревнях Оренбуржья, в двадцати отделениях комбината, рождается оренбургский платок ручной работы, слава которого не стареет.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66